

Письмо в редакцию «Недели»

Уважаемый товарищ редактор!

Писать даже вам не хотелось, вижу из вашей газеты, куда знете. Пишу только потому, что, как купит дочка «Неделю», так все дерутся, кому первому читать. Я, конечно, после всех читаю. Скажу вам прямо: хорошего для молодежи немного нахожу.

Только и то правда, в других журналах не лучше.

Вот читал я роман, длинный, в 4-х журналах «Октябрь». Роман про войну. Войну-то я лучше знаю, не по книжкам и газеткам нынешним, пороку нюхал. Я вам свою военную биографию рассказывать не буду, дети мои и внуки ее знают. Вас я хочу спросить: зачем это все написал писатель Василий Гроссман? А если вы не знаете, то я вам скажу: чтобы расшатать порядок.

Что происходит? Родственники репрессированных пишут, что хотя, а молодежь читает и думает, что так все и было. Я войну закончил в День победы в Германии, о репрессиях не знаю. Где правда для моих детей и внуков? — я вас спрашиваю.

Вообще про такие романы я скажу: это шитая белыми нитками ложь. Но роман в струе, и будете бить в ладоши. А наши классовые враги потирают руки. Автор ничего не понял в душе народа, и кто привел нас к победе, не понял. И читатель ничего не поймет в его писаниях, а только запутается.

Василий Иванович КОЛОГРИВОВ,
участник войны.

Уважаемый Василий Иванович!

Видно, и у вас в доме идут дискуссии, как всюду сегодня. Так и вырабатывается мировоззрение. Правды много не бывает, не надо бояться за молодежь. А что касается восприятия художественного произведения, то оно всегда глубоко индивидуально. Мне думается, роман Василия Гроссмана, тоже участника войны, — значительное явление нашей духовной жизни. Вот почему хочется порассуждать о нем...

ТРУДНО ЖИТЬ БЕЗ ПРАВДЫ, С ПРАВДОЙ-ТРУДНЕЕ...

Я прочитала Гроссмана, и мне показалось, что я прожила еще одну жизнь. Как это Женя говорит в романе: «Я жить устала». Вот-вот, именно такое чувство от полноты страдания, от боли за них, за людей из книги «Жизнь и судьба».

«Бороться за воздух прожиточный!» (Мандельштам). Не зевать, не медлить, не ждать. Без прожиточного воздуха гибнет нация и земля российская, задыхаются поколения и озера. Без прожиточного воздуха гибнут умы и таланты, гибнут слабые натуры и сильные, теряют ориентиры, сходят с колен честные, совершают жестокие добрые; от нехватки воздуха умирают науки и добродетели, увядают мечты и искусства, страдают лучшие женщины, умирают боги.

Воздух для всех! Для всех хватит воздуха, если колпак страха, под которым держал народ, будет снят, разбит, уничтожен. Мы выиграем, наконец, этот бой за воздух прожиточный. Станут рядом авторы Октября, станут на Сенатской площади офицеры, на проселочных дорогах России — крестьяне-бунтовщики, станут все просветители, врачеватели и поэты: воздух — всем, навсегда!

В какую ночь погрузились мы — вольной России воздуха не хватало. Когда слышишь сегодня размышления и соображения о недопустимости исторического развенчания, хочется кричать: мертвые статуи защищать, супостатов свободы народа! Вдумайтесь, наконец-то, о чем речь — о воздухе прожиточном, о воздухе для страны и для каждого.

Не будь Сталина, весь великий народ погибнет — хотели научить нас думать, и кое-кто научился так, что переучиться не может. Но не заколотить больше ставни железные, по волнам-небесам люди слышат и видят друг друга. Не удастся больше дозировать информацию, воздух избранным распределять. Пала империя страха. Вышли против нее «Покаяние», «Реквием», Гроссман — фильм, стихи, роман. Мы учимся жизнь ценить и мгновение, человечество любить и человека.

Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» — это откровение сталинского периода. Вся история в душах людских, вся печаль, точно скрипка выводит мелодию. Когда танки идут на прорыв кольца вокруг Сталинграда, тоже слышишь голос ее. Как получается это? Мы думаем: воюют солдаты, а это мужчины; мы думаем: героев огонь не берет, а они от тоски умирают... Всё в романе существует в единственном измерении — человека к о м. Вне человека нет войны, нет победы, нет мира, свободы, ничего нет. Сжигают в печах беззащитных людей, но души-то не горят, не горят, возвращаются. Литература факта сделала свое дело,

теперь художественность поднимает нас на новый уровень знания себя и истории. Сила романа прежде всего и более всего в художественности, многомерности.

Роман Гроссмана отличает истинное уважение к жизни, писатель не позволяет себе позы человека все познавшего, открывшего и теперь решившего одарить своими прозрениями читателя. То, что даже Штрум, личность могучего интеллекта, талант, тонкой души, часто лишен обаяния, оказывается слабым, тщеславным, отступником (а именно Штрум ближе всего к автору, он как частица самого Гроссмана в романе), — то, что даже Штрум далек от идеала, говорит о многом. Не идеален герой, и нет оснований считать его победителем, есть более сокровенные счеты с жизнью.

Уважение к жизни, как мне кажется, выражается в том, что автор вообще не имеет потребности кого-то или что-то идеализировать. Он видит все объемно, замечает и свет и тени. Человек может возвыситься до самого себя и может унизиться до самого себя — писателю это известно. Такое видение человека и событий истории рождает дивной силы эпический дух. Это роман-эпос. В нем эпоха, в нем весь человек.

Никогда, ни разу не поставил писатель своих героев в положение функции при сюжете, это характеры с саморазвитием, характеры взаимодействующие. Очень редко, читая книгу, так остро ощущаешь героев как близких тебе людей. Их заботы не отдалены слишком завышенными претензиями, не принижены убогими желаниями. Все персонажи интересны, стоят активного отношения. Они живые люди, духовная природа которых узнаваема.

Штрум и Новиков, Женя и Машенька, Людмила Николаевна, Александра Владимировна, Софья Осиповна... — какие все разные, какие значительные люди. Новиков — вот, пожалуй, рыцарь, любимый солдатами полковник, вызывающий и у читателя живое чувство благодарности не только за подвиги, но и за саму человеческую суть.

А психологические портреты Мостовского, Абарчука, Крымова — разве не продавливают наше понимание явления: почему находила поддержку политика сталинских репрессий, ведь в ее основании были не только страх, невежество и тупость... Это люди с обостренным нравственным началом. Иногда они ошибаются, отступают от себя. Но для такого человека неминуема кара, она догоняет его.

Судьба ставит человека в обстоятельства, когда он вынужден сам себя судить и казнить за совершенное неправое дело.

Как долго страдать Крымову, сознавая, что он мог, он участвовал в этом ужасе, в этом шабаше несправедливости — написал донесение на легендарного «управдома» Грекова, державшего оборону дома в горящем Сталинграде. Он, Крымов, не разобравшись, он, Крымов, ошибся. Да как он мог? Ему казалось, Греков подозрительно самостоятелен. Да можно ли самостоятельность держать на подозрении? Так политическая несостоятельность проявляется в человеке, деформирует психику, извращает его собственное нравственное чувство. Дорога обратно легко не дается никому. Эта дорога лежит через страдания.

Николай Крымов, любимый сын Советской власти, оказался в лагере, среди «врагов». Ведь он привык быть победителем, и даже если жена его оставила, если Женечка ушла, то это ее ошибка, ее несправедливость к нему. И вот когда после изнурительных ночных допросов, после всех мыслимых и немыслимых унижений (отзыв Троцкого о его статье — «мракорно!» — знала только она, Женя, жена его), когда уже казалось, он умер, «когда казалось, не вынесет душевной муки, когда казалось, вот вот мозг его лопнет и тысячи осколков вонзятся в сердце, в горло, в глаза, он понял: Женя не могла донести!»

Он понял, почувствовал, он в страдании обрел себя. Бедный узник Крымов не знал, что у Жени уже принята передача и он скоро получит ее: «лук, чеснок, сахар, белые сухари. Твоя Женя».

Без веры в человека, без понятия о чистоте и достоинстве, человеку не за что хватиться, не на что опереться. Крымов понял нечто сверхсущественное, чего не ведал ранее, и путь к этому открытию для него лежал через страдания, падения, отчаяние. Теперь Крымов народился как человек, теперь и за него болит сердце.

Герои Гроссмана (и сам писатель!) делают главное — создают, создают жизнь, добро, человечность. Литература помогает нам не просто узнать, понять, судить отстраненно, но погрузиться, пережить чужую, а точнее общую нашу беду как свою собственную, личную. Обнаружить в себе самом след этой общенародной деформации представлений о нравственности. Мы пройдем через страдание, нам всем судьбой назначенное, и тогда откроется у нас чистое зрение.

Социальные катастрофы показаны в ро-

мане с точки зрения психолога, они не рассматриваются только как ошибочные и ложные явления общественной жизни, они даны как часть внутренней жизни человека, неотъемлемая часть духовного бытия народа. Недоверие к человеку, индивидууму, личности ведет к тому, что человек сам себя видит иначе, теряет ощущение самоценности и связи своей с миром. Вероятно, нам еще предстоит понять, что такое для человека отсутствие доверия к самому себе.

Гроссман побуждает нас самостоятельно мыслить, он дает ключ к пониманию истории, помогает увидеть и ощутить себя частицей исторической судьбы Отечества, поощряет в широком смысле чувство человеческого достоинства. Без глубокой веры в человека, в идеалы свободы не написать такое, не пережить фактическое изгнание из литературы (рукопись романа была сдана в редакцию журнала в 1961 году, все экземпляры ее были изъяты и арестованы). Силы дает чистота воззрения, духовная стойкость.

Василий Гроссман в ряду тех писателей российских, кто с полной ответственностью, со знанием долга, по праву чести встает сегодня в авангарде социалистической перестройки, в борьбе за обновление сознания.

Истинный авангард человечества всегда составляли духовные личности. Мы получили сегодня произведения великой литературы, и наш долг — освоить их, ввести в жизнь.

Ныне главный, кардинальный вопрос — обновление сознания. Неизвестные Булгаков, Платонов, Ахматова, Твардовский, нечитанные Замiatин, Набоков и современники наши, публицисты, поэты, прозаики — все это труд литературы по об-

новлению сознания. И роман Гроссмана тут — серьезное уникальное слово.

Такого открытого, сильного, интеллектуального, всеобъемлющего чувства свободы как воздуха, давно уже в литературе не встречалось. Есть, конечно, высокие образцы поэзии, но здесь другое — простое, обычное, без чего нет жизни вообще. Постоянно ощущаешь неповторимость, зыбкость и драгоценность момента, читателя буквально пронзает мысль о ценности жизненного мгновения, душевного движения, овеществленной, осязаемой энергии души.

Небольшие эпизоды стремительно сменяют друг друга, возникают точно на мгновение персонажи, но все они даны в особом луче, проникающих внутрь, в суть человека, и мы видим: все люди с душой. И потому, сколь бы ни было коротким наше знакомство, оно значительно. А письмо матери Штрума, кажется, навсегда останавливает время: Софья Осиповна, военврач, пишет это письмо в гитлеровском лагере перед газовой камерой. И как сын всегда носил это письмо в кармане своего пиджака, мы будем вечно помнить...

Всякая социальная покорность недопустима. Гроссман дает нам понять, что предательство, имя которому — покорность, заведет нас в подземелье, где и кроу темно. Массовая докорность и есть победа тоталитарного режима над человеческим духом. Если такая книга ничему не научит нас, значит, уже никакое учение нам не впрок. Но вместе с писателем думаем и надеемся: «Человек не откажется от свободы».

Читайте роман Василия Гроссмана. Возвращаясь в трудное время противостояния фашизму, взгляните в собственные лица. Биография страны — это и биография каждого гражданина, а значит, наша собственная жизнь и судьба. Никто не смеет сегодня освободить себя от этой работы. Никто не вправе избежать этого страдания. История требует участия каждого. Роман действительно обновляет сознание, включает читателя в общий духовный процесс борьбы за свободу.

Публикацию романа «Жизнь и судьба» в журнале «Октябрь» (1988 г. №№ 1, 2, 3, 4) сопровождают обстоятельные, глубокие статьи-комментарии Анатолия Бочарова. Я хочу повторить его слова: «Жизнь — это свобода. И судьба человеческая зависит от осуществления свободы человека».

Н. ИСМАИЛОВА.